

Сатирикон
 ПЕЧАТНИЦА
 ХУДОЖЕСТВЕННОЙ САТИРЫ.

Под редакцией Р. П. Антропова.

Сенаторы и „варвары“ (из истории Рима).

Вспомни друга.

Она была нежна, возлюбил — она голыми до ног,
Вся жилаго ея была цыфрским шомом;
Но всю красота ея пала на поволоку реку,
Не по-судку приехала ея такая нежна!
Роль свою мучила она играла на себя
И выиграла ея — в раскаты ливня — с-разлика,
Не успевала при нем она ни смеда, ни стирала,
Красу ногам безжалостно губил.
Потом — она была и жила, была прижатым прелеком
Любим и красотой, и мучилась силой свободою...
Два года — жила ея... Не жила ея года,
Все будешь счастие ея милой выдохом!

С. Д. Сафоновъ

С. Д. Сафоновъ.

(Серг. Печоринъ).

5-го февраля, ровно два года тому назад, скончался великодушный поэт, истый пастырь Пущина, Сергей Александрович Сафонов, олицетворяющий в себѣ и превосходного сатирика — юмориста „Сергия Печорина“.

Помнать его долгие были дорога всемъ, по-тому достояни чистая поэзия и высоко-благородный юморъ.

Ахъ, если-бы не этотъ проклятый рокъ, тяготѣющій надъ русскими избранными небеса, рокъ, вырвавшій изъ нашей среды этого благороднѣйшаго человека, каки-бы дивными произведениями подарилъ егю „Заказу“!

И помнѣе въ этотъ скорбный для русской литературы день смерти Сафопова его портретъ. Даъ дорогъ не мѣть одному, но, думаю, многимъ и многимъ...

Р. Лютеровъ

Жизданкия жобеллы Фоккачю.

Плахъ раздѣлей и съ приближѣнїемъ Романа Добраго.

Б. О разныхъ новыхъ чудесахъ въ женскомъ монастырѣ, основанномъ радже Джованни.

„Королева и всѣ придворные съ жетерѣнїемъ ожидале продолженїя разсказа о чудесахъ въ знаменитомъ монастырѣ радже Джованни.

— Продолжайте! — стала призываъ королева.

— Слушайте, ваше величество, дамы и квалеры.

Одѣжды, настоятельница этого богоугоднаго заведенїя, сестра Марїа, женщина прїятная и сравнительно далеко не старая, проходила по длинному корридару, по обѣимъ сторонамъ котораго были расположены келье благочестивыхъ дѣвъ — монахинь. Вдаль до ея слуха донеслись изъ одной келье пошавенный смѣхъ, таинственный шопотъ, также возгласъ и даже — о чудо! — звуки пощелуха.

Это поразило несказанно достопочтенную настоятельницу.

Она быстро подошла къ закрытой двери и трижды постучала въ нее со словами:

— Во имя св. Бонифація, св. Керуларїа и св. радже Джованни отворите дверь, сестра!

Въ келье послышалосъ испуганной возгласъ. Прошло нѣсколько минутъ. Дверь келье все еще не отворилась.

— Отворите-же дверь, остра! — закричала возлужи ванная настоятельница.

Наконецъ дверь открылась.

Достопочтенная мать Марїа быстро вошла въ келье, съ жадностью охватывая глазами ея внутренность. Передъ ней стояла почти раздѣтая, въ одной рубашкѣ, смущенная, извазнованная, очень красивая сестра Еписпинїа. Волосы ея были распущены, потубожанная грудь поримисто подымалась. Сладе не видѣлась огромная фигура, одѣтая въ костюмъ монахини. Лица таинственной фигуры не было видно: оно было наполовину закрыто чернымъ покрываломъ съ клобука. Поимъ рѣсы монахини едва доставали до копытъ ея. Огромные ноги въ высокие сапогахъ смѣшно выглядывали изъ подъ юбки — сутяга.

— Ктъ это! съ кѣмъ вы здѣсь находитесь, моя воз-

Ночные тени.

— Исповнясь, сестра, исповнясь!

— Ну так слушайте: сейчас им далеко соберётся в попомов состав у дверей кельи нашей глубоководной настоятельницы, и всё, в один голос, громко закричать: „пожар! пожар! весь монастырь в огни! спсайтесь!“

— Но для чего-же это надо делать, хлестки шлепной рабы Дюванни!—воскликнула благочестивая дьява.

— А это вы сейчас узнаете!—с загадочной улыбочкой проговорила обаянная и оскорбленная в лучшем смысле чувствала сестра Елистанія.

И вот, процессия благочестивых дьяв—в строгом порядке—направилась к кельи матери настоятельницы.

Миг, дамы и кавалеры,—и... пронзительный крик, мощь цыганских дьяв потряс стёкла обители:

— Пожар! пожар! весь монастырь в огни! спсайтесь!

И лишь только эхо длинного монастырского корридора успело повторить этот страшный крик, как сейчас-же дверь кельи настоятельницы с треском распахнулась и из неё стремительно выскочил огромный мужчина, почти обнажённый. На нём лишь была опалетая фуфайка... За ним, в ожерельею страж, неслабых настоятельница, тоже в весьма легкомысленном костюме.

— Гдъ гореть? гдъ гореть?—спетала она.

— Штаны мои! Гдъ аглы мои!—ревяла басом пиванский стрёлок.

— Вот вам обиданное чудо, как воплюбенная сестра!—торжествуя—хоромо кричала отомщенная сестра Елистанія.

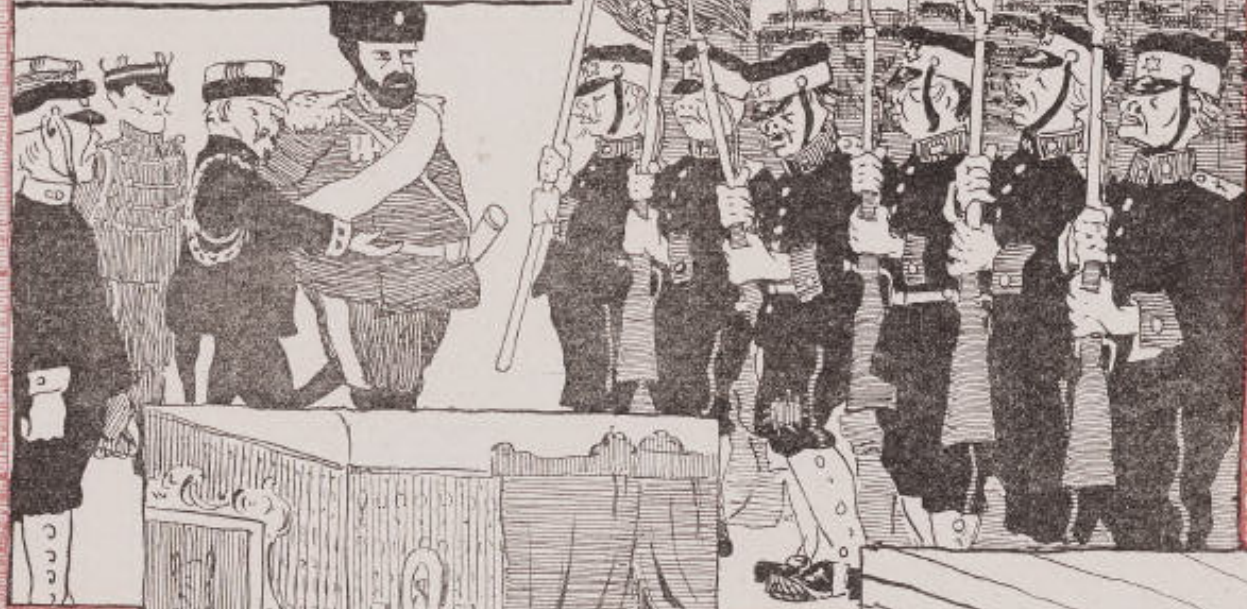
...Бум... бум... бум... раздавал эхом колокола. Наступала чась ранней утренней зозы.

Когда известие о происшествии в монастырь дошло до свяданя рабы Дюванни, она положила такую резолюцию: „звестити до востановления свяданя, что в кельи настоятельницы монастыря Дюваннисто, в такой-то день, явилась благодать. Сои благочестивой жондичей явилася во плоти самъ св. Каруарий и, послѣ того, какъ утѣшилъ ея, предсталъ предъ всѣми дѣвами обители во вооруженіи божьей величїи“.

(Продолжение слѣдует).

Панорама русско-японской войны

Ойяма: — Вотъ наше войско!
Куропаткинъ: — Гм... Не страшное!

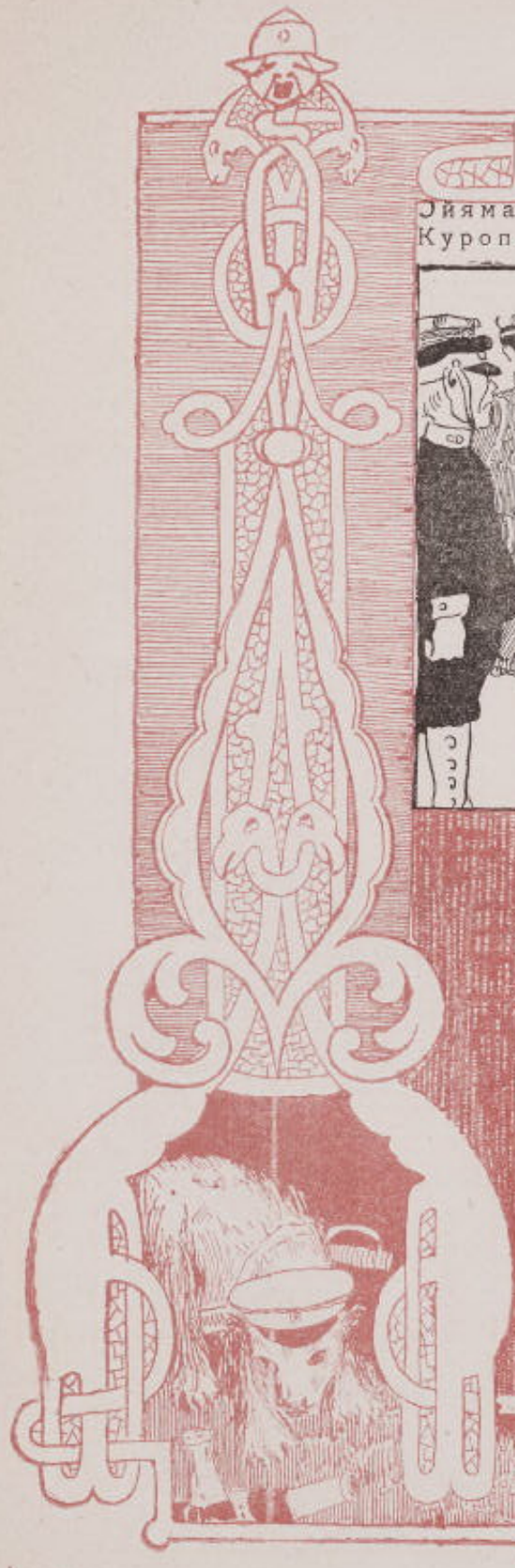
Дѣлежь будущиѣхъ миллиононъ отъ
концессии на Ялу.

Японскіе послы: — Угодно союзъ?
Гр. Ламздорфъ: — Alle-vous-en!

„Они“ работають въ потѣ лица — надѣ рубкой лѣса.

Льсяна узникивъ.

Въ подземельи, въ подземельи
 Мы не знали о веселии
 Закаровавшаго утра
 Планетившихъ пѣвцовъ;
 И, вольной волею каздыи,
 Вилъ зѣвъ вѣсть, безумцевъ, каздыи,—
 Чтобъ увидѣть солнце дѣтъ,—
 Жизнь отдалъ своею готовъ.
 Гулъ слышавъ, брони хюра,
 Мы гадали: это буря
 Ночью къ призрачнѣмъ утесамъ,
 Свирѣбѣ, гонимъ валъ?
 Рухнулъ дѣвъ надъ моремъ? или
 Земля гучи павоши,
 И вѣтромъ краснѣтъ вѣтеръ
 Въ тучахъ молнии свѣтъ?
 Въ подземельи, въ подземельи
 Мы не знали о веселии,
 И, поклянутъ, хоромъ,
 Прокливали темноту;
 Мы пѣвцовъ хотѣли ашакъ
 Свѣтъ воздуха захватить ихъ!
 Мы хотѣли вѣдѣть лучнѣшихъ,
 И летѣли мечту...
 Но оспрашивъ навсегда-ли
 Отъ угрожили вѣрнѣе дали
 И во вѣдѣ-ли не увидѣтъ
 Солнца радужнѣе лучей?
 Не увидѣтъ, какъ бездонна
 Въ нихъ прозрачность небоскона,
 Какъ, рубинами бранца,
 Блещеть, искрится ручей?—
 Долго жмъ рабама бази,
 Но въ дѣму тяжелой пили
 Не забыли, не забыли,
 Какъ свобода хороша!
 Долго жмъ во тѣлѣ пѣвцовъ
 Камни тяжкие колоде,—
 Лучшей доли, лучшей доли
 Ачтѣтъ гавана думѣ!—
 Влѣвомъ чѣсъ освобожденья!
 Внучий мольбѣ возрожденья,
 Грохота, разрушить болро
 Холодѣющій граната...

Отлучая грусть былая
 И, вадѣловъ пѣли,
 Обольстительную греву
 Сердце чужое хранилъ:
 О, настѣвуть дѣжъ веселии!
 Изъ глухого вадѣвелли,
 Какъ оранъ—со дна утѣшья,
 Мы удѣмъ стѣслащивъ рать:
 О неволѣ повобудемъ,
 Кровь застѣвшю—разбудимъ
 И съ полемъ роснѣтыхъ будемъ
 Ромъ пышица сбравъ!

М. П.

Послѣднія извѣстія.

1) О переименованіи портовъ Севастополя и
 Кронштадта, въ виду происшедшихъ въ нихъ
 событій первого—въ Портъ судтъ, второго—въ
 Юганштадтъ. По слухамъ, капилтанъ въ Государ-
 ственную Думу одобрительно отослалъ къ этому
 проекту.

2) О воспрещеніи вероламъ мѣстопрѣ-
 быванія въ Россійской имперіи, въ виду стрем-
 ленія жителей оной къ провозвѣщенію въ при-
 сутствіи администраціи жванамъ „воронъ“ по
 словамъ „воръ—окъ“, что несомнѣнно предло-
 окрѣпленъ на состояніи духа властей.

Гудъ.

Тревога патриота.

Мнѣ казалось—новой эры
 Воцарилась дни вѣсѣтъ:
 Успокоилась эс-эра,
 Успокоилась эс-де.
 Душамъ и—дыханьямъ разнымъ
 Положеній и охраня—
 Покушеній безобразнымъ.
 Въ мнѣтъ разѣялся туманъ,
 Полонъ радости безгнѣной,
 Я повѣритъ былъ готовъ,
 Что энергіей прижѣрной
 Нашихъ доблѣстнѣхъ полонъ,
 Подъ начальствомъ лейтенантовъ,
 Подпоручиковъ лихихъ
 И корнетовъ—адъютантовъ,
 И ротмистровъ грозныхъ—
 Агитаторы полсуду
 За безумье темныхъ дѣлъ.
 Превратилась тихо въ груды
 Непробудныхъ жертвѣхъ тѣлъ.
 И отнынь вѣствъ достойнымъ,
 Вѣствъ отечества снѣмъ
 Наслаждались сномъ спокойнымъ,
 Предаваться мнѣмъ снамъ...
 Вдругъ, подобно злой кометѣ,
 Вѣствъ ужасная летитъ—
 Въ адмиральскомъ кабинетѣ
 Весь въ крови Чухинѣхъ лежатъ.
 Адмиралъ Чухинѣхъ, который
 Севастополь покорилъ
 И надъ ворогомъ судъ скорый,
 Судъ примѣрный совершилъ.
 Нѣчто дикое случилося—
 Это есть бѣда изъ бѣдъ—
 И отечество лишилося
 Слѣвъ доблѣстнѣхъ побѣдъ.
 Да, проснувшись эс-эри!
 Снова стали на пути,
 Нинакѣ, видно, мѣры
 Ихъ не въ силахъ извести.
 И дрожа тревогой злобной,
 Проліваю море слезъ—
 Какъ бы вѣсточни подобной
 Изъ Москвы не донеслось.

Нанкъ.

Персидская конституция.

(Из газетных мотивов.)

Отрясти прахъ гаряжихъ шашней,
Внеся народу свободу,
Персидскій шахъ—«чудакъ всегдашній» *)
И путешественникъ къ тому—
Пышный Эйфелевой башней,
Далъ конституцію ему.

Что въ Зорабы и Рустаны **);
Премудрый Музаффер-Эдлингъ.
Всѣ политическія темы
Геройски разрѣшалъ однимъ
Купцы и мѣры, и ызы
Иранъ поднимуть изъ руинъ...

Избранникамъ всего Ирана—
Повелію ихъ заставить
Въ «Дворцѣ Совета» непрестанно,
Судить и думать, и гадать;
Для процвѣтанія Тегерана
Гдѣ денегъ взять, гдѣ денегъ звать?;
Газетамъ вѣрить и не смѣю
(Блаженъ кто вѣрить въ ихъ молву!),
Самъ догадаюсь-я не смѣю—
Сонъ ихъ все то, шъ на-ну;
Но отъ души теперь жалю,
Что я не въ Персін живу!..

Вѣкъ въ октябрѣ пообещали
Намъ конституцію; она-жъ
И въ февралѣ (къ моей печали)—
Однимъ обманнымъ образомъ...
Съ народа-я за нее сорвали
Кривизны Шейлака куртака!..
Кто торгуетъ—судить кѣй равно,
Лбоитъ не пробить гранитъ скалы!
Но повелеваю Ирана
Линь поверечь кто—, тѣмъ Аллы*
Всѣхъ,—будь то визирь Дивана,—***)
Свѣсть пригласилъ бы на колы!..

Фебуриса.

*) Звѣститъ известіемъ въ стѣхъ, повѣствовъ газетера
Баракеса, бывшаго по тогда дѣйствъ тайкъ советника, въ
я дѣло, убитымъ поворотомъ.

** Геря законотворъ Пражской оконо—Шлахъ-Шома.

*** Диванъ—высшая государственная учрежденіе, въ-рѣдъ
Государственное Сѣтка.

ТЕЛЕГРАММЫ.

Англетина Дмитро Гудъ*.

ОДЕССА. Высочайшею повелѣніемъ греческаго консула
интерпретировать въ-рѣдъ гонъ. Каросаменты. Сомнѣваются, что это
распоряженіе вызвано опасеніемъ консула сатерическаго мурман-
ловъ съ его циркуляромъ, выходящаго поочередно цѣль развивать
гражданскія дѣла стратегическія мѣры.

ХАРЬКОВЪ. Мѣстныя управленія и не думало обмануть
заблудилъ, такъ какъ послѣднее, какъ роженіе, въ вѣдѣтъ въ пѣ-
тотворца и часть программы Украинки.

ГОМЕЛЬ. Задержанъ преступный агентъ, удержанный на
Базарной площади, кто мажоритъ 17 октября отомщенъ и въ вѣ-
рѣхъ.

КИЕВЪ. Дума постановила учредить конкурсъ на списание пре-
жнихъ за вынужденность. Тонкъ возматъ, куда вѣдомыя пере-
сидѣ дѣла, если годъ, гонимъ Прохорова извѣсно грѣхатъ къ-за гра-
нниа.

ВАКУ. Перси тайкомъ убѣжила на рошну, шашина, что те-
перъ у нихъ тоже вѣдомыя вѣдомыя, и вѣдомыя дома «за-
бота» такъ найдется. Въ ваку мѣловато отъѣхалъ ихъ, вѣдомыя
уверенно состоятъ партіи мѣловато-русскія гонимъ, анимационны
кашбиль дѣловыя членовъ.

МОСКВА. Князь Вас. Турбуевъ прѣлаго денъ сообщилъ по
судету въ домъ въ. Главодела о своемъ предположеніи, что въ Рос-
сию обманно консулату. Какъ передалъ, вѣтъ это была асту-
речесъ съ мѣловатины. Въ ваку сказано въ спорномъ гонимъ за свои
убѣдительныя дѣла. Ка. Турбуевъ оидъ не арестованъ.

СИНБЕРДЮБОВЪ. Поевъ временно терпѣть приспособленія га-
селенна и сроднаго ученика.

ГОЛУБИНО. Установлена оубѣда полковника Рикка, ра-
спорядившаго Силскаго Николая, извѣсно обозначившаго въ спискѣ
Савлюкова Николая. «Главное управленіе за расстрѣлъ мѣловатъ»
предложилъ повѣствователю Рикка, въ вѣдомыя побѣдѣхъ источни-
чекъ, возмущалъ на будуча цѣлья плановъ вѣдомъ гонимъ, гонимъ.
Поевъ. Рикка въ свое управленіе сообщилъ, что, за его наблѣде-
нныя, какъ прѣлаго Николая Савлюкова можно установить неспѣ-
шно распорядившей образъ жасной убѣдѣ, такъ какъ вѣрѣ въ
вѣдѣтъ пре-вѣрзанный отъѣхавъ.

Поевъ прѣмнннхъ дѣтъ, откуду смута росіей-
снѣя пошла быи и кто порою почя на Руся
мутнннхъ.)*

Га. I.

Работорговъ на Востоцѣхъ восточну, се смута
вѣдѣтъ отъ Запада прѣде, и востуху гонимъ мѣловъ,
кравельники параваномъ, учаше народъ худити и
мутнннхъ. Увѣщавъ же, одѣтъ муштъ, има же
ому въ Сергій, рече: Дѣла смерно! Чѣсо ради
плѣмя сматѣса? И учинивъ бездѣловіе со кит-
тарѣ и фарисей, повѣдъ аргументи оно плѣмя
оубѣтъ и мечемъ. И пона мастеровъ дѣлъ сирѣ-
скакъ повѣдъ учредити оубѣтъ и гонимъ на подмогу
гонимъ, черпнн сотнн параваномъ. И бѣ ту плачь и
сирѣчь дѣловннхъ.

Га. II.

Смутъ же намы породнннхъ, намы вошн
породѣ адноу слоеса дерюнованна и худу рече
киттарѣн фарисею и оубу хужу. И подыгуса
раба, трудъ оставннше, и вонуху гнѣво слоно
запретно «перабіе», а по вѣдому «дѣловннхъ».
И устранишнсо и киттары и фарисей, и сѣтъ муштъ,
и бѣ тутъ плачь и сирѣчь дѣловннхъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

За актописца Дмитро Гудъ.

) Незавѣсна. Поевъ прѣмнннхъ дѣтъ вѣдомыя
трудныя адноу гонимъ и на дальнѣйшнхъ оубѣдѣтъ драко-
ндаріа собнѣтъ въ бездѣловнхъ тонкѣ грѣхѣ. Авторъ да гонимъ
порѣ увѣрѣтъ по вѣдѣтъ обманутокъ своего плѣмя, и гонимъ
отруженъ Дмитро Гудъ вѣдомыя подыматиелна вѣдѣ-
сто вѣдѣ.

Первый блинъ, да и номомъ!

Отъ редакціи.

Нумера „Занозы“ въ оптовой продажѣ высылаются налоговыми платежамъ лишь по полученіи задаточной суммѣ въ размѣрѣ половинной стоимости заказа.

Пробный № высылается за двѣ 7-ми копееч. марки.

Рукописи, не принятія къ печати, не возвращаются. Редакторъ принимаетъ ежедневно, за исключеніемъ праздничныхъ дней, отъ 2 до 4 ч. д.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1906 г.
ежедневный журналъ

художественной сатиры

Цѣна отдѣльнаго № — 10 коп. безъ пересылки.

Подъ редакціей и при постановкѣ участіи Р. Л. Антропова.

Подписная цѣна: годъ—4 руб., 1/2 г.—2 р.; съ пересылкой во все города Россіи—годъ—5 р., 1/2 г.—3 руб.

Подписка принимается въ редакціи: Спб. Итальянская, 27 и во многихъ городахъ Россійской Имперіи.

„З А Н О З А“.

Редакторъ Р. Л. Антроповъ.

Издатель С. Д. Новиковъ.